

Едва затих голос Хан Сиэня, как стоявшая рядом Би Хуа, не дожидаясь реакции окружающих, решительно стиснула зубы и опустилась на колени.

— Господин, послушайте рабыню! — звучно заговорила она. — В тот час я подавала Наследнику обед, когда матушка Дун силой попыталась заставить его выпить лекарство. Разгадав её коварный замысел, Наследник велел матушке Дун самой осушить пиалу. Снадобье оказалось чистейшим ядом — сделав всего глоток, няня лишилась дара речи! Осознав, что её чёрные дела раскрыты, она в безумии попыталась забрать жизнь молодого господина. Наследник всегда относился к матушке Дун с величайшим почтением, но она оказалась змеей, пригретой на груди! Молодой господин долгие годы полагал, что его немощь — от рождения, и даже не подозревал, что корень его бед скрывался в руках той, кому он доверял больше всех. Случившееся ранило его в самое сердце!

Би Хуа говорила быстро, но удивительно четко и складно. Все присутствующие расслышали каждое слово, однако, когда прозвучала последняя фраза, они невольно покосились на распластанную у порога матушку Дун. Глядя на истерзанную кормилицу, никто бы не сказал, что учинивший эту расправу Хан Сиэнь хоть сколько-нибудь опечален.

Сам же Хан Сиэнь под аккомпанемент причитаний служанки вовремя изобразил на лице глубокое, горькое разочарование.

В душе же он едва сдерживал смех.

"В прошлых двух жизнях я только и думал о том, как бы побыстрее распутать клубок грязных тайн этого змеиноного гнезда, дабы успеть к новому перерождению. Мне и в голову не приходило тратить силы на лицедейство перед этой семейкой. Но в этот раз... в этот раз мне безумно хочется поиграть"

Он прекрасно помнил, как в прошлой жизни старая госпожа Хань, сочтя его методы излишне жестокими, уцепилась за этот предлог и обвинила внука в сыновней непочтительности. Она едва не заставила Хан Чжо просить императора о лишении Хан Сиэня титула Наследника, грозясь вычеркнуть его имя из родословных книг. Если бы не тайные расчёты самого герцога, не пожелавшего идти на поводу у матери, его бы и впрямь лишили рода.

Впрочем, Хан Сиэню было плевать на родословную. Но сама мысль о том, что теперь, имея на руках безупречные оправдания, он сможет творить любые бесчинства, заставляя семейство Хань дрожать от страха и при этом безмолвно глотать обиду, натянуто улыбаться и кивать в знак согласия... О, эта мысль приносила ему почти физическое наслаждение. Это обещало быть чертовски забавным.

Хрупкий, изнеможённый вид Хан Сиэня, следы недавней борьбы на его тонких запястьях и жуткий, истерзанный облик матушки Дун заставили гостей почувствовать себя неловко. Некоторые из чиновников, пробившихся наверх через тернистый путь государственных экзаменов, глядя на то, как сурово обошлись со старой няней, недовольно хмурились. В их глазах Наследник представал жестоким и безжалостным юнцом.

Однако те из вельмож, чьи помыслы были куда изощрённее, зорко зрели в корень проблемы. Каким образом кормилица ухитрялась годами пичкать своего подопечного ядом, оставаясь незамеченной? Куда смотрели лекари из Императорской медицинской палаты, регулярно проверявшие пульс молодого господина? И ради чего няньке понадобилось идти на верную смерть, пытаясь удушить Наследника?

Вспомнив о запутанных отношениях внутри герцогского дома, многие понимающе переглянулись.

Хан Чжо, разумеется, тоже обо всём догадался. Однако он не спешил оправдываться. Мужчина лишь ошеломлённо смотрел на сына, и во взоре его смешались раскаяние, тревога и щемящая родительская боль.

— Ты всегда так дорожил матушкой Дун... А она... — наконец глухо и скорбно произнёс Хан Чжо, словно у него не хватало сил закончить фразу.

В столице каждый знал о безграничной любви герцога Хань к покойной первой супруге. И теперь, слыша этот надрывный, исполненный горечи голос и помня, с каким скандалом в своё время люди из поместья маркиза Цзинго навязали эту кормилицу зятю, гости невольно прониклись к хозяину дома сочувствием.

"Прирождённый актёр!" — мысленно усмехнулся Хан Сиэнь.

Тут в разговор вмешался уездный князь Юн. Окинув Хан Сиэня насмешливым взглядом, он протянул:

— Очевидно же, что эту старую ведьму прислали из поместья маркиза Цзинго. В конце концов, это слуги маркиза оказались столь дурно обучены, раз вырастили такую змею. Но раз уж она прибыла оттуда, она по-прежнему принадлежит дому твоей матушки. Как же ты посмел обойтись с ней столь варварски? К тому же, старуха теперь нема как рыба и не способна сказать ни слова в своё оправдание. Теперь ты волен наговаривать на неё всё, что твоей душе угодно. И не обессудь за резкость, Наследник, но сегодня день рождения твоей бабушки. Уж не затаил ли ты обиду на старую госпожу, раз выбрал именно этот день, чтобы умыть поместье кровью?

Князь Юн славился своим праздным и вздорным нравом. Все присутствующие прекрасно понимали: ему просто скучно, и он жаждет раздуть пламя поярче ради собственного увеселения.

Однако нашлись и те, кто счёл его слова грубыми, но справедливыми. Проливать кровь в день юбилея старшей в роду — дурное предзнаменование.

Глава второй ветви Хань, Хан Шу, в душе горячо поблагодарил князя за его несносный характер. Эти слова стали спасительным дождём для тонущего престижа герцогского дома.

Хан Шу шагнул вперёд, нахмурился и ледяным тоном обратился к Хан Сиэню:

— Неужели Наследник питает к собственной бабушке столь глубокую неприязнь? Что за непочтительность?

Этим словами он пытался окончательно загнать Хан Сиэня в ловушку обвинений в умышленном заговоре. Все взоры устремились на юношу.

Хан Чжо тоже смотрел на сына. Он приоткрыл рот и слабо покачал головой, словно отказываясь верить в происходящее и умоляя дать разумное объяснение.

Стоявшая на коленях Би Хуа шевельнулась, собираясь снова заговорить, но, поймав предостерегающий взгляд Хан Сиэня, покорно опустила голову.

Хан Сиэнь на мгновение прикрыл глаза. Его лицо дрогнуло, выражая глубокую, щемящую тоску. Когда же он вновь распахнул веки, его прямой, холодный взор упёрся прямо в лицо князя Юна.

— Благородный князь, — негромко произнёс Хан Сиэнь. — Именно потому, что матушка Дун — верный слуга из поместья маркиза Цзинго, я и сохранил ей жизнь. Мои родственники по материнской линии сейчас далеко на западных рубежах. Знай они, какое злодеяние совершила эта женщина, ей бы не сносить головы.

— Кто знает, не пытаешься ли ты просто заставить её замолчать, чтобы скрыть собственные грехи? — негромко пробормотал из толпы мелкий чиновник, числящийся в подчинении у Хан Шу.

Хан Сиэнь лишь снисходительно усмехнулся. Переведя взгляд на говорившего, он мягко, почти ласково спросил:

— Скрыть грехи? Досточтимый господин, хоть я и слаб телом и не посещал академий, отчего не знаю законов Великой Чжоу досконально, но даже мне ведомо, что эти слова здесь совершенно неуместны. Если следовать вашей логике, то впредь, если купленный раб попытается лишить жизни своего господина, тот обязан не наказывать его, а превозносить и лелеять? Иначе это назовут бесчинством и сокрытием грехов? Будьте так любезны, просветите меня: в каком уложении нашего государства записано подобное правило?

— Не смей искажать мои слова! — вскинулся чиновник.

Он всего лишь хотел выслужиться перед Хан Шу, но никак не ожидал получить столь хлёсткий отпор. Кто в столице посмеет признаться, что в его усадьбе не гибли провинившиеся слуги? Спрятав руки в широкие рукава, он надменно фыркнул:

— Ты устроил кровавую расправу в день юбилея собственной бабушки. Это дерзкий вызов предкам и чёрная неблагодарность к вырастившему тебя роду! Вместо того чтобы покаяться, ты изворачиваешься и сеешь смуту. Это чистейшей воды сыновняя непочтительность!

Услышав это обвинение, Хан Сиэнь лишь тяжело, с затаённой скорбью вздохнул.

Чиновник злорадно ухмыльнулся, собираясь нанести решающий стилистический удар и окончательно растоптать юношу, но тут Би Хуа горько разрыдалась.

— Молодой господин! — сквозь слёзы воскликнула она. — Вы столь великодушны к матушке Дун, что безмолвно сносите чужие наветы! Но вы мой хозяин, и я не позволю этим людям безнаказанно чернить ваше имя. Коль вы молчите, я сама всё скажу, пусть даже меня за это казнят!

С этими словами она вытянула из широкого рукава сложенный лист бумаги с багровым отпечатком пальца.

— Матушка Дун покусилась на жизнь Наследника лишь потому, что долгие годы беззастенчиво грабила его, распродавая за бесценок приданое покойной супруги герцога! Среди похищенного ею — Чайник Девяти Превращений и Ста Сердец, Тёмно-красные агатовые бусы, Приветственная ширма Долголетия и Шпилька Тысячи Обликов Ста Птиц! Если бы матушка Дун сегодня в безумии не попыталась убить молодого господина, разве стал бы он поднимать на неё руку, помня бывшую заботу?

При этих словах толпа замерла. Лицо одного из присутствующих чиновников мгновенно пошло пятнами.

Это был глава Верховного суда Чжан Ханпин. Выходец из бедной семьи, человек прямолинейный, суровый и не терпящий кумовства, он пользовался особым доверием императора. Но была у него одна слабость — из-за прежней бедности он был до крайности щепетилен в вопросах выгоды и не гнушался мелкими подношениями.

Сейчас он смотрел на хозяев поместья взглядом, в котором сквозило ледяное бешенство.

Среди названных Би Хуа сокровищ пара вещей показалась ему смутно знакомой. Кажется, именно их преподносили его семье на праздники в качестве ценных даров.

Более того, прямо сейчас в причёске его любимой дочери красовалась Шпилька Тысячи Обликов Ста Птиц! Если слова девчонки — правда, и эти сокровища действительно принадлежали покойной матери Хан Сиэня, то неважно, украли их слуги или сами хозяева герцогского дома втихую распродавали чужое приданое. Сегодня его семья окажется покрыта несмываемым позором.

Чжан Ханпин помнил каждый мало-мальски дорогой подарок именно потому, что его собственное состояние было весьма скромным.

Хан Сиэнь негромко заговорил, прерывая затянувшуюся тишину:

— Если бабушка сочтёт мой поступок непочтительным и пожелает наказать меня, я безропотно приму её гнев и буду молить о прощении на коленях, пока она не сменит гнев на милость. Даже если отец по её воле попросит государя лишить меня титула Наследника, я приму это смиренно, без единого слова ропота.

Договорив, юноша внезапно зашёлся в сухом, мучительном кашле. Лицо его оставалось мертвенно-бледным, а плечи содрогались так натужно, что со стороны это зрелище казалось пугающим.

Чжан Ханпин решительно шагнул вперёд и холодно произнёс:

— Кража имущества господ и покушение на жизнь хозяина — тягчайшие преступления. Будь эта улика представлена пред очи самого Сына Неба, эту рабыню ждала бы немедленная казнь. Наследник проявил излишнюю мягкость, сохранив ей жизнь, несмотря на жестокость её проступка. Как старая госпожа может гневаться на внука за это? Напротив, ей следовало бы содрогнуться от мысли, в какой опасности находилась жизнь её наследника, и утешить израненную душу юноши!

Стоило главе Верховного суда высказаться, как его сторонники и те, кто недолюбливал герцога Хань, тут же согласно закивали. Даже князь Юн лишь хмыкнул и не стал более сыпать ядовитыми остротами.

Видя, как стремительно меняются настроения гостей, Хан Шу похолодел от ужаса. Если дело не замять сейчас же, герцогское поместье завтра же станет посмешищем для всей столицы. Он умоляюще уставился на старшего брата.

Хан Чжо смотрел на сына. В его глазах читалось показное облегчение, но в глубине души зрел нешуточный страх. Он никак не мог понять, зачем Хан Сиэнь затеял это представление. Ведь слухи о его жестокости неизбежно расплзутся по столице. Разве он не боится запятнать собственное имя?

Впрочем, маска любящего отца ни на миг не соскользнула с лица герцога.

— Господин Чжан совершенно прав, — мягко произнёс Хан Чжо. — Мой мальчик сегодня перенёс страшное потрясение. Дитя моё, если у тебя есть какая-то просьба, скажи отцу. Я сделаю всё, чтобы вернуть тебе покой.

Хан Сиэнь взглянул на человека, столь искусно играющего роль заботливого родителя, и его

губы тронула едва заметная усмешка.

— Глядя на матушку Дун, я ощущаю лишь леденящий душу страх, — ровным, но решительным тоном ответил он. — Оказывается, погубить меня так просто... Всё потому, что в моих руках нет ничего, что заставило бы этих людей трепетать. Большинство слуг в моём дворе — не те, кто рождён в нашем доме. Поэтому я покорно прошу передать мне их продажные грамоты.

Он умышленно избегал сыновних обращений, и его слова прозвучали сухо и требовательно.

Хан Чжо на мгновение опешил, но быстро справился с собой. На его лице отразилось безграничное великодушие:

— Хорошо. Я велю госпоже Лю собрать все бумаги и прислать их в твои покои.

Хан Сиэнь лишь низко склонил голову и снова зашёлся в приступе кашля — на этот раз столь сильным, что казалось, он вот-вот лишится чувств.

Чжан Ханпин, чьё сердце исходило злобой от мысли о злосчастной шпильке в волосах дочери, сухо объявил, что более не смеет тревожить приболевшего Наследника своим присутствием.

Остальные гости, пресытившись зрелищем чужого семейного позора, поспешили откланяться вслед за ним.

Проводив гостей холодным взглядом, Хан Чжо поспешил увести оставшихся родственников.

Среди них шёл и юный пятый принц Цзи Хуай. В его голове царил полнейший сумбур, а сердце испуганно колотилось в груди. Он невольно поглядывал на бледное лицо кузена. Хан Шу, шедший рядом, бережно поддерживал принца под локоть, мысленно проклиная Хан Сиэня последними словами за испорченное торжество.

У самого поворота Хан Чжо обернулся. Хан Сиэнь всё ещё стоял на крыльце своего дворика, прижимая платок к губам. Его фигура казалась хрупкой и беззащитной, но в душе герцога шевельнулось липкое предчувствие — этот сын более ему не подвластен.

Дворик Душистых Орхидей

Едва за гостями закрылись ворота, Хан Сиэнь внезапно расхохотался. В этом безумном смехе сквозила хлёткая, безжалостная насмешка над собой, над глупостью окружающих и над всем миром.

Его дар и впрямь заслуживал зависти. Способность читать чужие мысли, видеть скрытые грехи и потаённые страхи одним лишь взглядом... Достаточно было слегка подтолкнуть нужного человека в нужном направлении, чтобы чужими руками раздуть пожар, способный уничтожить любого врага.

Эта сила действительно была великим подспорьем для того, кто решил сыграть со смертью.

Слуги, до этого безмолвно стоявшие на коленях во дворе, от этого дикого смеха затрепетали ещё сильнее, страшась поднять глаза. Лишь Би Хуа уловила в голосе господина едва различимую, глубоко запрятанную тоску.

Отсмеявшись, Хан Сизнь опустил взгляд на верную служанку и застывшего рядом юного слугу Ань Цао — того самого, что вовремя привёл герцога к началу представления.

— Вы двое сегодня превзошли сами себя, — мягко проговорил он. — Отныне все слуги и служанки в этом дворе переходят под ваше начало.

Би Хуа и Ань Цао поспешно склонились в благодарственном поклоне.

Хан Сизнь взглянул на темнеющее небо и неторопливо добавил:

— Думаю, праздничный пир сегодня изрядно подпорчен. Принесите мне чистые одежды. Нам пора нанести визит старой госпоже и принести глубочайшие извинения за причинённое беспокойство.

Только он сам знал, какое предвкушение бурлило в его груди. Он точно знал, что в этот самый момент его дорогая бабушка мечтает содрать с него кожу и скормить псам.

И именно это немое бешенство старой госпожи он жаждал увидеть больше всего. Тот, кто пытается отравить его жизнь, должен страдать первым.

— И приберите здесь всё, — бросил он уходя. — Отдайте матушке Дун то, чего ей не достаёт для лечения. Не нужно пугать нашу дорогую няню.

<http://bllate.org/book/20088/2001967>